

Е. Б. Рашковский

## Лирическая поэзия как познание, или К вопросу о «внезапном» в творчестве и культуре

**Аннотация:** феномен лирической поэзии описывается в статье как особая, внутренне необходимая форма самоосуществления человека в культуре и, более того, как особая форма самоосуществления культуры как таковой. В основе этого феномена лежат принципы спонтанного самонахождения человеческой личности в ритмическом речевом потоке и одновременно – спонтанного приобщения личности к стихиям и смыслам языка и культуры. Оба эти принципа предполагают, во-первых, расширение поискового поля человеческой памяти и ассоциаций, а, во-вторых, поискового поля общения между людьми. Таким образом, лирическая поэзия оказывается необходимым ингредиентом исторического развития человеческой культуры. Исторически поддерживая в нас потребность неявного, но глубокого и задушевного собеседования с другими, не похожими на нас людьми, лирическая поэзия оказывается и существенным ингредиентом социальности и гражданских отношений, приучая нас к самопознанию и к стремлению найти контакты с другим человеком и, следовательно, к мудрости и толерантности.

**Review:** The phenomenon of lyric poetry is described in the article as a special, internally necessary form of self-realization of the person in culture and, moreover, as a special form of self-realization of culture as it is. At the heart of this phenomenon there are the principles of spontaneous self-discovery of human personality in a rhythmic speech flow and at the same time – spontaneous integration of the personality into elements and meanings of language and culture. Both of these principles assume, first, expansion of a search field of human memory and associations, and, secondly, a search field of communication between people. Thus, the lyric poetry appears to be a necessary ingredient of historical development in human culture. Supporting our need in implicit but deep and heart-felt conversation with people who are different from us, the lyric poetry also appears to be an essential ingredient of sociality and civil relations, accustoming us to self-knowledge and aspiration to find contacts with the other person and, therefore, to wisdom and tolerance.

**Ключевые слова:** культурология, лирическая поэзия, творчество, культура, язык, экзистенция, внезапность, «спонтанная интеграция», собеседник, соотношение.

**Keywords:** cultural research, lyric poetry, creativity, culture, language, existential, sudden, spontaneous integration, interlocutor, reference.

**Н**а мой взгляд, само обращение к понятию поэзии как познания позволяет вступить не только в разговор о лирической поэзии, но и – шире – через философское раскрытие феномена лирической поэзии – в разговор о познавательных возможностях человеческого творчества и о смысловых богатствах человеческой культуры.

Британский ученый-естественник, науковед и философ Майкл Поланьи (1891-1976) определил творчество – особенно в решающих, «прорывных» его моментах – как «спонтанную интеграцию (spontaneous integration)», спонтанное воссоединение и, казалось бы, внезапное взаимное соотношение дискурсных и образных потоков в человеческом сознании. Потоков, с точки зрения обыденного опыта, несоотнесенных и разрозненных<sup>1</sup>. Это определение творчества как «спонтанной интеграции», выведенное Майклом Поланьи из историко-научного материала, можно было бы сполна отнести и к области лирической поэзии.

Действительно, мы смогли бы определить поэзию, поэтическое творчество как спонтанное, хотя, возможно, и годами вынашиваемое в глубинах «безмолвного знания» (tacit knowledge – категория, опять-таки принадлежащая Поланьи) взаимосвязанное самораскрытие речи в человеке и человека в речевом потоке. Это спонтанное преобразование «безмолвного знания» в осмысленный и упорядоченный в ритмической красоте речевой поток<sup>2</sup> было отмечено еще в ранней поэзии Пастернака, в книге стихов «Сестра моя жизнь»:

*И сады, и пруды, и ограды,  
И кипящее белыми воплями  
Мирозданье – лишь страсти разряды,  
Человеческим сердцем накопленной<sup>3</sup>.*

<sup>2</sup> Преобразование «обычных слов» обыденного языка в благоупорядоченный речевой поток – одна из основных идей «Поэтики» Аристотеля.

<sup>3</sup> Из стихотворения «Определение творчества» (1919?). Не отсюда ли – позднее разработанное Л. С. Выготским учение о творческом акте как о «разрядении» того мучительного и подчас долгого внутреннего напряжения, стресса, которые становятся предпосылкой творческих состояний?

<sup>1</sup> См.: Polanyi M. Genius in Science // Encounter. L. 1971. Vol. 38. # 1.

## Художественная культура и творчество

И коль скоро речь у нас идет не столько о творчестве вообще, сколько о творчестве именно поэтическом<sup>4</sup>, нельзя не подчеркнуть примат языка как основы поэтической «материи».

Вынашиваемые нами страсти и образы – во многих отношениях подсознательные или полусознанные<sup>5</sup> – выходят в поэтическом акте на свет Божий, подчиняясь языку и одухотворяясь языком, а через язык – во всех законосообразностях и парадоксах языка – мыслью и самосознанием<sup>6</sup>. В поэтических ассоциациях, в их нелинейности, небанальности, неожиданности – именно через язык – проявляется и удостоверяется уникальность человеческого опыта и самого человеческого существования. Та творческая уникальность, которая до своих прямых проявлений выглядит почти непредсказуемой, – задним числом, *post factum*, великодушно позволяет анализировать свой творческий порядок и свою, если вспомнить понятийный аппарат Анри Бергсона, *творческую эволюцию*.

И вот этот-то парадокс заведомой непредсказуемости творческого акта и – в то же самое время аналитической его открытости задним числом – оказывается дополнительным аргументом в обосновании уникальности человеческого существования и связанных с ним интеллектуальных процессов. Процессов, когда вместе с новыми ответами на прежние вопросы меняются язык и содержание самих вопросов<sup>7</sup>.

Однако уникальность эта – не замкнутая, не заганная в себя, но объективно рассчитанная на другого человека, на реального или же виртуального, воздвигаемого в самом себе, приглашаемого в свой внутренний мир ведомого или неведомого, видимого или невидимого собеседника или адресата<sup>8</sup>. Иногда собеседник может именоваться в третьем лице, как это произошло в одном из вер-

шинных произведений лермонтовской лирики – в стихотворении «Сон» («*В полдневный жар в долине Дагестана...*»). Но и здесь воздвигнутый силою поэтического воображения безмолвный собеседник не перестаёт быть собеседником.

И Сам Всевышний переживается и осмысливается нами в поэтическом процессе – или в непосредственном авторском творчестве или же в нашем, читательском, невольном «присоединении» к творческому акту большого поэта – именно как Собеседник. Отсюда и особый жанр лирической поэзии: поэтическая молитва, обращение к Вышнему «Ты». Так было у Псалмопевцев, так продолжается и поныне. И диапазон поэтического молитвенного опыта огромен: от вдохновенного поэтического славословия (державинская ода «Бог»<sup>9</sup>) до тихого, почти приглушенного – исповедального – собеседования.

Хотелось бы привести в этой связи два коротких стихотворения-исповеди. Одно из них принадлежит раннему Пастернаку (1915 г.). Вот это восьмистишие без заглавия:

*Не как люди, не еженедельно,  
Не всегда, в столетье раза два  
Я молил Тебя: членораздельно  
Повтори творящие слова.*

*И Тебе ж невыносимы смеси  
Откровений и людских неволь.  
Как же хочешь Ты, чтоб был я весел?  
С кем бы стал Ты есть земную соль?*

А вот еще одно собеседование – молитва-четверостишие, – на сей раз принадлежащее другому великому мастеру Славянского поэтического ареала: польскому поэту Леопольду Стаффу (1878-1957), Четверостишие, написанное Стаффом на исходе жизни, даю в собственном переводе:

*Перешагнув рубеж последний,  
Припомню ль, как зовешься Ты,  
Мой неумолчный Собеседник!<sup>10</sup>  
Из мира вечной немоты?*

На мой взгляд, исповедальный мотив в лирической поэзии есть выражение самой ее сути: стремление каким-то образом понять и «высказать себя»<sup>11</sup> в благоупорядоченном речевом потоке и в

<sup>4</sup> Не случайно само употребляемое нами понятие поэзии восходит к греческому ποιησις – творчество, делание.

<sup>5</sup> Мир нашего подсознания – не только устрашающее фрейдовское Оно. Коренящееся в глубине нашего психо-физического состава ладовое чувство преобразуется в человеческом опыте в некоторую универсальную и с трудом поддающуюся рациональному истолкованию *интуицию красоты* (см.: Руднева С. Д., Фиш. Э. М. Музыкальное движение. – М.: Просвещение, 1972). Ту самую интуицию, которой свойственно облагораживать и наше сознание, и наш художественный, научный и философский опыт, и наш всегда недосказанный опыт переживания и постижения Святыни. И даже опыт повседневной «быстротекущей» (Пушкин) жизни.

<sup>6</sup> См.: Campbell J., Moyers B. The Power of Myth. – N. Y., etc.: Doubleday, 1988.

<sup>7</sup> См.: См.: Кузнецова Н. И., Розов М. А., Шрейдер Ю. А. Объект исследования – наука. – М.: Новый хронограф, 2012.

<sup>8</sup> О «воздвижении собеседника» как одним из непреложных и основополагающих принципов лирической поэзии см.: Рашковский Е. Б. Смыслы в истории. Исследования по истории веры, познания, культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 319-332.

<sup>9</sup> Одно из художественных «волшебств» этой оды – парадоксальное, но поэтически органичное сочетание духовных медитаций и славословий, восходящих к библейской и православно-литургической поэзии, с комплексом философских и естественно-научных представлений XVIII столетия. Подробнее об этом см.: Рашковский Е. Б. Указ. соч. С. 333-349.

<sup>10</sup> В польском оригинале: “Druga osoba dialogu”.

<sup>11</sup> «Как сердцу высказать себя?» (Тютчев, “Silentium!”).

этом же потоке расслышать и восчувствовать незримого, но столь необходимого нашему человеческому существованию Собеседника. И в этом смысле, как писал итальянский философ Бенедетто Кроче, поэзия синонимична человечности; более того, она сама – «квинтэссенция человечности»<sup>12</sup>.

И что, действительно, важно: через эту, казалось бы, внезапную, заведомо непредсказуемую красоту соотношения человеческих чувствований, идей и образов в контексте ритмически упорядоченной и благозвучной речи<sup>13</sup> оттачивается острота, небанальность и свежесть наших ассоциаций, острота «спонтанной интеграции» нашего опыта личной встречи с образом, мыслью и словом. Через эту «интеграцию» оттачивается и развивается мыслительный дар человека. И, следовательно, – сам человек во всём богатстве его художественного, жизненного и духовного опыта<sup>14</sup>.

Более того, само это собирающее, спонтанно интегрирующее свойство поэтического мышления дает возможность человеческому сознанию собирать в себе не только Большой мир, обычно дробимый и раскалываемый приемами сознания обыденного, равно как и элементарными правилами элементарного дискурсивного мышления, – но и собирать в потоках внезапных ассоциаций, в потоках ритмически упорядоченной речи свой собственный внутренний мир, свой собственный Микрокосм. Так, в разговоре с Йоханном Петером Эккерманом от 27 января 1824 г. Гёте говорил, что опыт поэта – особенно на исходе жизни – связан с припоминанием богатства жизни через самого себя, через собственное внутреннее пространство, через собственную внутреннюю «летопись» (als Annalen)<sup>15</sup>... И не напоминает ли эта гётевская мысль о «летописи» одну из самых базовых и универсальных идей мировой философской мысли – платоновскую идею о припоминании (анамнесис) как об одном из оснований собирания мира-в-мышлении и мышления-в-мире?<sup>16</sup>

<sup>12</sup> Кроче Б. Антология сочинений по философии. История. Экономика. Право. Этика. Поэзия / Пер., сост. и комм. Св. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 1999. С. 349.

<sup>13</sup> Разумеется, лирическая поэзия знает и ритмические перебои, и фонетические «зияния» (хиатусы), и нагнетание образов заведомо неэстетичных (как это было у Бодлера, Рембо или у их эпигонов, как это было у Маяковского или у Брехта), но поэтический эффект здесь возможен именно потому, что у самой «крутой» поэтической экспрессии существует объективный контрастный фон благоупорядоченной речи. Обыгрывая отклонения, «проклятые поэты (les poètes maudits)» лишь подчеркивали и обогащали силу правила.

<sup>14</sup> См.: Штейн А. Л. Четыре века испанской эстетики // Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение / Пер. с исп. / Составление, вступ. статья А. Л. Штейна. Комм. А. Л. Штейна и Н. В. Брагинской. – М.: Искусство, 1977. С. 43–44.

<sup>15</sup> См.: Eckermann J. P. Gespräche mit Goethe in letzten Jahren seines Lebens. – В.: Aufbau, 1956. S. 101.

<sup>16</sup> Федр, 249 b-d.

Так что за философской основой концепции поэтического познания – той самой, что была возвращена выше, прежде всего исходя из материалов древнегреческой поэтики, оттененных, однако, учетом европейского и славянского поэтического опыта последних веков, – угадывается особый опыт *внезапного соотношения*. Взаимного соотношения языка, нашего внутреннего мира и нашей универсальной, хотя и всегда недосказанной интуиции красоты. И сама эта идея внезапности отчасти вырывается за пределы философского наследия древней Эллады и Европы и отчасти сближает нас с духовным и художественным наследием Востока – древнего Египта, Израиля, Индии, Китая, Японии... И это же обстоятельство несомненно сближает нас с традициями христианской патристики и мистики Нового времени (вспомним хотя бы «Аврору» или «Христософию» Иакова Бёме, вспомним поэзию и поздние философские труды Вл. Соловьева, а ближе к нынешнему времени – мистическую антропологию Анри Бергсона).

И не случайно идея *внезапного соотношения* (за которой – века и века медленной и упорной работы всечеловеческой мысли и воображения) стала одной из базовых идей европейского философствования XX – XXI столетий. И можно вспомнить в этой связи одно из замечательных философских наблюдений Гастона Башляра – “La poésie est une métaphysique instantanée” – «Поэзия есть некая метафизика во мгновение»<sup>17</sup>.

Собственно, это парадоксальное определение поэзии, данное Башляром, и подводит нас ближе всего к пониманию поэтического мышления не только как «познания» и не только как формы самоорганизации человеческой экзистенции (хотя и такая трактовка существенна), но и как некоей окрыленной мудрости. Этой мудростью отчасти создается человек на ранних этапах его жизни<sup>18</sup>; эта же мудрость спасает весь комплекс внутреннего опыта человека от односторонне-отупляющей прямолинейности, от банальности и рутины; она выводит мысль и сердце из отчаяния и внутренних тупиков; эта же мудрость, если вспомнить платоновский диалог «Федон», исподволь готовит нас и к расставанию с земной жизнью<sup>19</sup>.

<sup>17</sup> Bachelard G. Le droit de rêver. – P.: Presses univ. de France, 1970. P. 224.

<sup>18</sup> Важная роль элементов поэтического мышления в человеческом онтогенезе обоснована в книге К. И. Чуковского «От двух до пяти» – в книге, ставшей необходимым пособием для лингвистов, психологов, филологов и философов. Да отчасти – и для самих поэтов. Что же касается этой же проблемы применительно не только к нашему онто-, но и филогенезу, – то она рассматривается в трудах сэра Джона Кэрю Эклза (1903–1997) по физиологии центральной нервной системы.

<sup>19</sup> См.: Федон, 67 e – 68 c.

## Художественная культура и творчество

Для многих миллионов людей поэтический опыт детских и отроческих лет, а также опыт насыщенных поэзией богослужений становится одной из важнейших предпосылок их интеллектуальной и духовной стойкости.

Но это не всё.

За долгую мою жизнь мне довелось услышать и прочесть множество устных и письменных свидетельств узников сталинских и гитлеровских тюрем и лагерей. И попадались среди них и такие (свидетельства, напр., австрийца Бенедикта Каутского, польки Марии Зарембиньской-Броневской, россиянина Варлама Шаламова, Евгении Гинзбург, Александра Солженицына, Алексея Эйнера, Георгия Демидова, Григория Померанца и др.), согласно которым памятование о поэзии, припоминание поэтических текстов оказывалось одной из предпосылок выживания или, по крайней мере, сохранения своего достоинства в тех условиях, которые были заведомо направлены на уничтожение человеческого в человеке. Поэзия – эта «квинтэссенция человечности» (еще раз вспомним определение, принадлежащее дону Бенедетто Кроче) – приходила на помощь обреченным.

О чем всё это говорит? – На мой взгляд, в первую очередь об универсализации человеческого существования в поэтическом опыте: будь то в опыте непосредственного творчества, будь то в опыте припоминания прекрасного стиха. И это соприкосновение с опытом поэтического познания оказывается одной из предпосылок исцеления и благоупорядочения нашего в каждом поколении распадающегося мира.

Так что поэтический опыт – не только «отражение» мира, но и воссоздание мира через внутренние творческие силы человека.

Мне неоднократно приходилось читать и слышать суждения о том, что поэзия *национальна*. Живя и дыша в пространствах национальных языков и культур, она не только «отражает» их былые и текущие состояния, но и сама участвует в духовном самоопределении конкретных народов. И всё это святая правда. Только вот – не вся правда.

Высокие произведения поэзии, подсказанные единством человеческой природы, подсказанные базовыми и сквозными основами наших ощущений, чувствований, языков и мышлений, не только национальны, но и общечеловечны. Поэзии, в особенности поэзии лирической, свойственно, не отрицая национального, возводить его к универсальному. Конкретные, обусловленные спецификой национальных языков и национальных историй, поэтические образы, ассоциации, выражения и высказывания приобретают и со временем наращивают всеобщий смысл. И потому становит-

ся понятной насущная потребность поэтических переводов, их «высокое искусство»<sup>20</sup> *переводить* не только поэтические тексты, но и *переводить* нас самих из пределов наших привычных культурно-лингвистических ареалов в ареалы иные<sup>21</sup>. Задача воистину необходимая на том крохотном и чересполосно населенном сгустке космической материи, имя которому – Земля. В этом смысле лирическая поэзия воистину – *magistra tolerantiae*, наставница толерантности.

Вообще, надобно заметить, что поэтический перевод как *соотнесение и сопоставление* несхожих областей мысли, творчества и культуры – необходимый элемент индивидуального, группового и универсального развития человека и человечности<sup>22</sup>.

Приглядимся в этой связи к истории нашей собственной российской культуры. Псаломпевцы, Экклезиаст, Омар Хайям, Шекспир, Гёте, Роберт Бернс или Федерико Гарсия Лорка оказываются в числе любимых «русских» поэтов. Стихи шотландца Уильяма Вордсворта («Вечерний звон») или поляка Владислава Сырокомли («Когда я на почте служил ямщиком...») благодаря русским поэтам Ивану Козлову и Леониду Трефолеву стали у нас народными песнями.

Можно привести и такой пример из культурной истории Индии прошлого столетия. Книга стихов «Гитанджали» («Приношение песен») Рабиндраната Тагора – как бы своеобразная индийская Псалтирь. Протооригинал – рифмованные стихи Тагора на бенгали. Английский же вариант был написан самим Тагором свободным стихом и отредактирован ирландским поэтом Уильямом Батлером Йейтсом. В мире, как и в самой Индии, более всего популярна именно английская версия этой книги. У нас же в России первый и притом популярный среди интеллигенции перевод этой английской версии был выполнен еще до Революции русскоязычным литовским поэтом Юргисом Балтрушайтисом... Земные пути поэзии воистину неисповедимы.

А в заключение мне хотелось бы подкрепить теоретические тезисы этого рассуждения двумя конкретными поэтическими примерами: стихотворениями двух великих поэтов относительно недавнего прошлого – американки Эмили Дикинсон (1830–1886) и нашего соотечественника Бориса Пастернака.

<sup>20</sup> Название неоднократно переиздававшейся одноименной книги К. И. Чуковского, посвященной поэтическому переводу.

<sup>21</sup> См.: *Топоров В. Н.* Пространство культуры и встречи в нем // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. – М.: Наука-ГРВЛ, 1989.

<sup>22</sup> Идеей перевода как необходимой части мыслительного процесса *сопоставления* я обязан труду М. А. Розова и его коллег (см.: *Кузнецова Н. И. и др.* Указ. соч. С. 262–265).

Итак, Эмили Дикинсон – “There came a Wind like a Bugle...” (1883)<sup>23</sup>:

*Сотрясая  
Липы и клены,  
Трубный Шквал  
Ворвался к нам поутру.  
Словно Холодом  
Каким-то зеленым  
Перечеркнуло  
Покой и жару.*

*И в этот час – показалось мне –  
Ворвалась Судьба сама, –  
И в Изумрудном  
Горели Огне  
Форточки,  
Рамы,  
Домá...*

*Вострепетали  
Деревья и реки,  
И ветер был,  
Как холодный металл,  
А колокол,  
Сорвавшийся с цепи,  
О прошлом и будущем  
Провецал...*

*А мір,  
Недосказанный вовеки, –  
Покуда стоит,  
Как и прежде стоял!*

Другое стихотворение – «Свидание» Бориса Пастернака (1949) – представляется мне одной из вершин русской любовной лирики прошлого, Двадцатого столетия:

*Засынет снег дороги,  
Завалит скаты крыши.  
Пойду размять я ноги:  
За дверь ты стоишь.*

*Одна, в пальто осеннем,  
Без шляпы, без калош,  
Ты борешься с волненьем  
И мокрый снег жуешь.*

*Деревья и ограды  
Уходят вдаль, во мглу.  
Одна средь снегопада  
Стоишь ты на углу.*

Течет вода с косынки  
По рукаву в обшлаг,  
И каплями росинки  
Сверкают в волосах.

И прядью белокурой  
Озарены: лицо,  
Косынка, и фигура,  
И это пальтецо.

Как будто бы железом,  
Обмокнутым в сурьму,  
Тебя вели нарезом  
По сердцу моему.

И в нём навек засело  
Смиренье этих черт,  
И оттого нет дела,  
Что свет жестокосерд.

И оттого двоятся  
Вся эта ночь в снегу,  
И провести границы  
Меж нас я не могу.

Но ко мы и откуда,  
Когда от всех тех лет  
Остались пересуды,  
А нас на свете нет?

Эти два стихотворения выбраны мною для разговора о специфике поэтического познания не случайно.

В стихотворении Дикинсон – внезапное открытие сил одухотворенной коммуникации («изумрудного огня») в природе и в очеловеченных ландшафтах (форточки, рамы, колокол...).

А в стихотворении Пастернака – внезапное открытие сил одухотворенной коммуникации в человеке и между людьми.

В обоих случаях поэтический разговор идет о мгновенных *прорывах вечности* – воистину, если вспомнить определение Башляра, – о «метафизике во мгновение». Вспомнить о том, что таинственная основа мира – не в покоящихся «сущностях», но в динамике и в живой, животворящей коммуникации. В коммуникации, проходящей через глубину наших собственных существований.

Определение лирической поэзии как «метафизики во мгновение», в конечном счете, помогает нам уяснить, что же такое есть поэтический способ познания. На мой взгляд, поэтический способ познания есть особое умение высказать в кратком, ритмически организованном слове эту самую метафизику живого и мгновенного взаимного соотношения вещей, сознаний и сердец, на котором, в конце концов, и строится человеческая вселенная. И понять это соотношение.

<sup>23</sup> Даю это стихотворение в собственном переводе.

**Список литературы:**

1. Кроче Б. Антология сочинений по философии. История. Экономика. Право. Этика. Поэзия / Пер., сост. и комм. Св. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 1999.
2. Кузнецова Н. И., Розов М. А., Шрейдер Ю. А. Объект исследования – наука. – М.: Новый хронограф, 2012.
3. Рашковский Е. Б. Смыслы в истории. Исследования по истории веры, познания, культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2008.
4. Руднева С. Д., Фиш Э. М. Музыкальное движение. – М.: Просвещение, 1972.
5. Топоров В. Н. Пространство культуры и встреча в нем // Восток–Запад. Исследования. Переводы, Публикации. Вып. 4. – М.: Наука-ГРВЛ, 1989.
6. Чуковский К. И. Высокое искусство. – М.: Сов. Писатель, 1968.
7. Чуковский К. И. От двух до пяти. Живой как жизнь. – М.: Детская литература, 1968.
8. Штейн А. Л. Четыре века испанской эстетики // Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение / Составл., вступит. статья А. Л. Штейна. Коммент. А. Л. Штейна и Н. В. Брагинской. – М.: Искусство, 1977.
9. Bachelard G. Le droit de rêver. – P.: Presses univ. de France, 1970.
10. Campbell J., Moyers B. The Power of Myth. – N. Y., etc.: Doubleday, 1988.
11. Eckermann J. P. Gespräche mit Goethe in letzten Jahren seines Lebens. – B.: Aufbau, 1956.
12. Polanyi M. Genius in Science // Encounter. L. 1971. Vol. 38. # 1.

**References (transliteration):**

1. Croce B. Antologija sochinenij po filosofii. Istorija. Ekonomika. Pravo. Etika. Poezija. – St. Petersburg: Pnevma, 1999.
2. Kuznetsova N. I., Rozov M. A., Shreider Ju. A. Obiekt issledovaniia – nauka. – Moscow: Novyi khronograf, 2012.
3. Rashkovsky E. B. Smysly v istorii. Issledovaniia po istorii very, poznaniia, kul'tury. – Moscow: Progress-Traditsiia, 2008.
4. Rudneva S. D., Fish E. M. Muzyka'noie dvizheniie. – Moscow: Prosveshcheniie, 1972.
5. Toporov V. N. Prostranstvo kul'tury i vstrechi v nem // Vostok – Zapad. Issledovaniia. Perevody. Poblíkaysii. Vypusk 4. – Moscow: Nauka-GRVL, 1989.
6. Chukovsky K. I. Vysokoie iskusstvo. – Moscow: Sov. Pisatel', 1968.
7. Chukovsky K. I. Ot dvukh do piati. Zhivoi kak zhizn'. – Moscow: Detskaia literatura, 1968/
8. Shtein A. L. Chetyre veka ispanskoi estetiki. Renessans. Barokko. Prosveshcheniie / Sostavleniie, vstupitel'naia stat'ia A. L. Shteina. Kommentarii A. L. Shteina i N. V. Braginskoi. – Moscow: Iskusstvo, 1977.
9. Bachelard G. Le droit de rêver. – Paris: Presses univ. de France, 1970.
10. Campbell J., Moyers B. The Power of Myth. – N. Y., etc.: Doubleday, 1988.
11. Eckermann J. P. Gespräche mit Goethe in letzten Jahren seines Lebens.. – Berlin: Aufbau, 1956.
12. Polanyi M. Genius in Science // Encounter. London. 1971. Vol. 38. # 1.